

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Петр БУРМИН

**СЛОВО
О КРАСЕ РУССКОЙ**

Поэмы

Составитель – Н.Н.Калашников

Новокузнецк
2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б 91

Бурмин, Петр Сергеевич

Слово о красе русской : поэмы / Бурмин Петр ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 24 с. : ил.

©Бурмин П. С., 2010

Бурмин П. «Автопортрет»

Коротко о себе

Родился я в 1933 году в Алтайском крае.

Два года спустя приехал в Новокузнецк (Сталинск), разумеется, вместе с родителями, которые завербовались на строительство Кузнецкого металлургического комбината.

Я тоже начинал свой трудовой стаж на КМК – сначала электроремонтном цехе, затем в цехе ремонтно-строительных деталей.

На пенсию вышел из строительной фирмы, где работал художником-оформителем.

В шестидесятых годах в газете «Комсомолец Кузбасса» было опубликовано с десяток-другой моих стихотворений, приуроченных к полетам человека в космос.

К тому же времени относятся и мои первые опыты в фантастике.

Слово о красе русской

Легенда

1.

На Равнине, что открыта ветру,
что знавала и добро, и зло,
видимый за много километров
холм стоит, похожий на седло.
В ковылем заросшей седловине
всадником сутулится скала;
на доступной птицам лишь вершине
копит силы выводок орла.
Хищник в небе чертит круг за кругом,
видит, что творится на земле;
а его достойная подруга
рвет добычу, сидя на скале.

2.

Тут, в одной из деревень окрестных,
у реки, петлявшей меж талин,
я родился, приобщался к песням,
слава богу, дожил до седин.
Если утром не было тумана
да не ткали выюги полотна,
я скалу, что дремлет над курганом,
просыпаясь, видел из окна,
Без усилий примечало око
трещину, что наискось прошла;
слышал я однообразный клекот
по небу кружащего орла.
Холм известен славою печальной
на Равнине... видно, оттого
старые и юные сельчане –
все обходят стороной его.
Старые и юные робеют,
понижают в разговоре тон,
проходя вблизи от Карабея –
так скала зовется испокон.

3.

Ложь аль правда – кто рассудит ныне?

Я от деда слышал этот сказ.

Бают, жил когда-то на Равнине

зверолов по имени Ерас.

В лес ушел он будучи парнишкой,

поначалу сладил балаган,

к холодам срубил себе домишко

там, где нынче горбится курган.

Степью не всегда была Равнина,

не всегда тут были ковыли...

Уж при мне последнюю лесину

на дрова сельчане извели.

4.

Поднимался поутру Ераска,

шел на горностая или ласку,

не жалел ни времени, ни сил –

и домой добычу приносил.

Раз в году купец еще не старый

наезжал в лесной Ерасов кров:

нужные продукты и товары

получал за шкурки зверолов.

Но порой не рад он был обновам,

и немилым становился дом –

грусть по человеческому слову

зверолова ела поедом.

5.

Отправляясь в девственные дебри,

он оставил братьев на селе.

Братья так же, как отцы и деды,

гнули спины на чужой земле.

Ежель скука донимала очень,

к старшим братьям уходил меньшей;

ночевал он три-четыре ночи,

отдыхая телом и душой.

Но однажды, словно туча, темен

паренек вернулся из села:

стало быть, ночевка в отчем доме

на сей раз ему не помогла.

Не пошел назавтра на охоту –

целый день промаялся в избе;

размышлял до головном ломоты
о своей безрадостной судьбе.
Образ милой синеглазой Дарки
перед ним маячил до утра...
Приготовил загодя подарки,
чтоб уйти пораньше со двора.
6.

Овдовела смолоду Авдоха;
овдовев, не обронила слез.
Был хозяин горьким выпивохой –
спьяну на Крещение замерз.
Были тяжелы необычайно
у него и норов, и рука...
Не корили вдовушку сельчане,
что с сухими ясными очами
шла она за гробом мужика.
Кроме хаты да несчастной доли
ей достался престарелый вол;
но – беда ведь ходит за бедою –
за долги шинкарь его увел.
Правда, было крошечное поле –
клок земли. Соха еще была.
Но соха – безделица, не боле,
если нету при сохе вола...
Бричкой по годочкам, как по кочкам,
женщина немало потряслась,
прежде чем ее Дашутку-дочку
заприметил зверолов Ерас.

7.
Трудно было не приметить Дарку –
словно мальва алая в цвету!..
Красота ее была столь яркой,
что слепила встречных за версту.
То не шла – летела будто птица.
Не девчонка – гибкая лоза.
Васильками на поле пшеницы
голубели дивные глаза.
Но еще красивей быть хотела
и взяла без спроса у берез
у весенних – белизну для тела,
у осенних – золото для кос.

Старики ее судили строго,
говорили, встретив на пути:
"Красота такая не от бога.
Черту душу продала, поди?..
Женщины, забыв о пересудах,
за нее молили небеса...
Парни в ней усматривали чудо,
диковали: "Экая краса!..
Брать, однако, не спешили в жены
лучшую в округе из невест.
И жила красавица чужою
среди родных, любимых ею мест.
8.

Только-только в розовую краску
выкрасился летний небосвод,
а тоской измученный Ераска
был уж у Авдохиных ворот.
Тут лишь прыть умерил он немного,
снял с плеча с подарками мешок,
смоляную бороду потрогал,
дверь толкнул, ступил через порог.
Мимо парня прошмыгнула кошка.
Девушка сидела за столом,
ела кукурузные лепешки,
запивая козьим молоком.
Услышавши у порога шорох,
девушка опешила на миг:
зверолов, не подымая взора,
ноги вытирал о половик.
Поклонившись образам глубоко,
он прошел, неся в руке мешок;
сахарные сладости Востока
для начала из него извлек.
Вынул чередом своим обутки
пунцовые легкие на вес,
голубого, цвета незабудки,
полотна добротного отрез.
– Ну и что? – спросила парня Дарка.
Он впервые глянул на нее:
– Если любишь, принимай подарки –
все это, голубушка, твое.

9.

Эх, и свадьбу наш Ерас отгрохал!..
Пировали целых девять дней:
первых два – в деревне, у Авдохи,
а потом к себе позвал гостей.
Ели мясо, запивали брагой.
Из ковша матерого. До дна.
Кто покрепче, движимый отвагой,
пил из бочки или логуна.
Наши предки есть и пить умели:
уминали вчетвером быка,
головы, горячие от хмеля,
остужали в водах родника.
Две довольно бойкие старушки,
будучи болтливы и хмельны,
спели деревенские частушки,
тайного значения полны:
"Красна роза расцветает летом,
как ее, кума, не торопи.
К мужу поворачивайся цветом,
а другим показывай шипы..."

10.

Вот последний каравай дожеван,
выпит с гущей веселящий квас...
Порешили тут молодожены:
– Время делу, а потехе – час.
Зажили они под общей крышей,
находя в друг дружке сущий клад,
почитая всех богатств превыше
доброту, согласие и лад.
Он ходил, как прежде на охоту,
с ним – его помощница-стрела.
Дарка всю домашнюю работу
на себя, как водится, взяла.
Холст ткала, вязала рукавицы,
шила чуни, ладила носки,
отложив челнок, иглу иль спицы,
на уголья ставила горшки.
По весне копалась в огороде
день-деньской, согнув спину дугой...

Как доселе говорят в народе:
"Муж за гуж, супруга – за другой".
Возвращался затемно Ераска,
ставил лук с колчаном у стены;
поцелуем отвечал на ласку
заскучавшей по нему жены.
Непогодь была для них наградой –
расставаться было им не надо,
рядышком просиживали дни:
то-то были счастливы они.

11.

Жили-были юные супруги
хлопотно, но весело в глуши,
потому, должно быть, что друг в друге
голубки не чаяли души.
Их сердца не обрастали мохом,
скука между ними не жила...
Изредка была у них Авдоха,
приходили братья из села.
Да по снегу побывал купчина,
привозил товары напоказ;
гость хвалил жаркое из дичины,
не сводил меж тем с хозяйки глаз.
Не прошло, должно быть, и недели,
как житья не стало от гостей:
эти заплутали по метели,
те зашли, спасаясь от зверей.
Существо – мужчина, не мужчина –
первым попросилось на ночлег;
с головою в грязную овчину
был завернут пришлый человек.
– Звать-то как? Забыл уж. Кличьте Дедом, –
объяснил он, лежа на печи;
жил в тепле неделя за неделей,
изводя Ерасовы харчи.
Потчевали чаем богомола,
знавшего все святцы наизусть;
призывал он кару на монголов:
дескать, те нацелились на Русь.
Следом за молящимся бродягой
погостил школяр четыре дня,

угощал Ераса горькой брагой,
что нутро палило без огня.
На колени, выпивши не в меру,
перед Даркой падал человек:
– Вот с такой Милосскую Венеру
высек Фидий – гениальный грек!
Ты ж о том, что статна и красива,
и сама не ведаешь, поди?!
Где же твои фидии, Россия?!
Ежель спят, набатом разбуди!..

12.

Зверолов не прогонял приезжих,
лишь ворчал, качая головой:
– Словно дом наш не в глуши медвежьей,
а вблизи дороги столбовой.
Готовы хозяев выжить в сенцы...
И тебе, видать, не по нутру?..
– Ох, Ераска, чует мое сердце –
канитель вся эта не к добру...
До добра ли, думалось Ерасу.
Все-то нынче валится из рук.
Тру обутки, извожу припасы,
а пойти на зверя недосуг.
Вздрагивая, ощущая стужу,
что копилась у нее в груди,
Дарка глухо простонала мужу:
– То-то еще будет впереди...

13.

По лесам, долинам и деревням
шла неугомонная весна;
тормошила травы и деревья:
мол, пора – очнитесь ото сна.
Черный грач ходил по огороду,
с кровли звонко падала капель,
воспевала вешние походы
мудрая пичуга – свиристель.
Примостившись у козы за домом,
Дарка вымя трогала слегка;
брызгали в березовый подойник
струи голубого молока.

Дым над крышей извивался змейкой,
курицы кудахтали в хлеву...
Сам в избушке, оседлав скамейку,
мастерил из жилок тетиву.
Существо – мужчина, не мужчина –
голосок свой подало с печи:
– Ведаю, Ерас, твою кручину...
– Сделай, милость, братец, помолчи, –
лежебоку попросил Ераска. –
Бог аль черт занес тебя сюда?..
– Ты владеешь бабой больно баской.
Не по чину. В том твоя беда.
Дом твой взбудоражил всю округу.
Вон как взбеленились мужики:
налетели на твою супругу,
как на свет ночные светляки.
– Да в своем ли ты уме, бедняга?!
Как заблудших не принять в избе?
– Мне-то что, ведь я свой разум брагой
не дурманил, не в пример тебе.
– Было дело. Бес меня попутал.
Снова лад живет в избе моей...
– Кончится весеннее распустье,
жди, Ерас, опять к себе гостей.
Обладаешь ты товаром знатным,
как ни глянь – с изнанки аль с лица;
потеряешь ты его бесплатно...
Хочешь, я найду тебе купца?

14.

Зверолов не верил злему Деду
и готовил планы наперед;
и, конечно, вечером не ведал,
что его наутро с Даркой ждет.
Он не миновал с женой красивой
вороном накарканном беды...
Было это в страшный для России
первый год нашествия Орды.

15.

Ночи крайне коротки у лета;
но, бывает, и они длинны.

Пробудился зверолов с рассветом
Сел в кровати около жены.
Сам проснулся, аль подняло что-то?
Погадал. Хотел еще прилечь...
Тут услышал лошадиный топот
и глухую, сдержанную речь.
Речь не друга, думал он, а татя...
Тотчас стук и голос у дверей:
– Эй, хозяин, слазь с своих полатей,
именитых приглашай гостей...
Снова станут сказывать мне сказки:
заблудились, мол, среди лесов... –
в голове мелькнуло у Ераски.
Вышел в сенцы, взялся за засов...
Млечным светом, льющим с востока,
растолкало по чащобе тьму,
и Ерас увидел зорким оком
тех, кто в дом пожаловал к нему.
Он сперва на тощего, как вобла,
обратил внимание свое:
видно, сановитая особа –
охраняли нукеры ее.
Вся в бобрах; с папахи, златом шитой,
висли соболиные хвосты.
Под особой землю бил копытом
конь арабский редкой чистоты.
Остальные – два иль три десятка –
в волчьих шкурах, в колпаках до глаз;
эти на приземистых лошадках
восседали. Тут же наш Ерас
увидал "мужчину, не мужчину" –
не поймешь такого по лицу;
он свою убогую овчину
заменял на рыжую лису.
Он и сам похож был на лисицу;
указав на главаря татар,
пропищал:
– Зови его в светлицу,
покажи, не мешкая, товар...
Красота нойону по карману –
выговори цену, не робей.

Это приближенный Бату-хана,
доблестный и мудрый Карабей:
злата много...

– Экую гадюку

откормил я на свои харчи!
Ты жестоко мне ужалил руку –
от нее, злодей, и получи!..

16.

В двадцать лет Ераска не был мудрым.
Но татар увидев, наперед
понял, что до завтрашнего утра
он теперь едва ли доживет.
Дернул саблю, бывшую без ножен,
из-за опояски толмача;
с мыслью, что вершит он дело божье,
рубанул предателя сплеча.
И тотчас метнулся к дому. Двери
на засов задвинула жена.

– Ты убил не человека – зверя! -
вся в слезах, промолвила она.

– Знаю, Дарка, что пришиб я гада, –
отвечал решительно Ерас. –

Но теперь не будет нам пощады –
истерзают, измордуют нас...

Лучше добровольную кончину
мы с тобой разделим пополам!.. –

Нащепал он смолевой лучины,
разбросал ее по всем углам.

Пол и стены густо смазал салом,
ототкнул для вытяжки трубу –
остальное сделало кресало...

Смерть вошла в горящую избу!

17.

В этот раз заря не утихала,
не сходила с неба целый день.

Быть беде, пророчески вздыхали
жители окрестных деревень

18.

Домик полыхал светло и жарко;
но, когда он выгорел дотла,

невредимой оказалась Дарка,
только стала краше, чем была;
словно очарованная думой,
не спеша ступала по золе...
Значит, чародейкой и колдуньей
не напрасно звали на селе.
И монголы в Даркином обличье,
видно то же самое нашли:
торопясь, святое пепелище
забросали комьями земли.
На вершину своего кургана
взгромоздили щебень в свой черед.
Сгнил давно сподвижник Бату-хана...
Мученица Дарья все живет.
Узнаем ее в полете птицы,
в перевозданной чистоте берез.
Видим в колосющейся пшенице
чудо золотых ее волос.
А глаза ее извечной синью
смотрят с поднебесной высоты...
По сей день в родных чертах России
мы находим Даркины черты.
19.

С той поры над неурочной степью
полыхает поутру заря,
невзначай напомнят свежий пепел
бороды седого ковыля.
Чьи-то тени бродят по Равнине,
раздается приглушенный глас...
Ложь аль правда – кто рассудит ныне?
Я от деда слышал этот сказ.

16.02.1979

Рис. П.С.Бурмина «Предвечный»

Волшебная долина

1.

Путь предстоит далекий Еремею –
набиты два баула и рюкзак...
Меж тем он представленья не имеет,
куда и как направить первый шаг –
на запад, на восток или на север –
не ведал путешественник доселе.
Но не переживал на этот счет:
язык его, мол, к цели приведет.

2.

Еще учась он в университете,
вгрызаясь в ботанический гранит,
попал одной идее цепкой в сети:
с тех самых пор в душе своей хранит
мечту увидеть некую долину.
Рассказ о ней, похожий на былинку,
он услышал однажды от коллег,
и он ему запомнился навек.

3.

Настойчивый в делах – больших и малых, –
из стойла вывел сивого коня,
которого назвал он Буцефалом;
в начале наступающего дня,
не мешкая, отправился из дома
дорогой неизвестною ведомый.
Был Еремей уверен наперед,
что он него Долина не уйдет.

4.

В своем успехе не был столь уверен
спустя два года, как покинул кров;
за этот срок его усталый мерин
сточил о камни множество подков.
Встречал людей в пустынях, жаждой мучим,
плутал в горах и дебрях без дорог,
но только о Долине злополучной
сказать ему, увы, никто не мог.

5.

Не потечет вода, – твердят в народе, –
под камень под лежащий. Наперед
свою удачу ищущий находит,
а не чужак, что лежа ее ждет.
Однажды – дело было уж под вечер –
дорога парню подарила встречу:
она-то указала ему цель,
что ускользала он него досель.

6.

Тут речь идет о боевой девчонке;
спеша навстречу, поднимая пыль,
подобно пресловутой амазонке,
мчалась она на лучшей из кобыл,
такой же, как наездница, горячей.
– Привет, герой. Куда на этой кляче
скакать собрался на исходе дня? –
осведомилась, осадив коня.

7.

– Привет, красотка.

– Называй Далилой.

А сам-то кто ты будешь?

– Еремей.

Ищу я достославную Долину...

– Не эту ли, что в местности моей
селяне именуют Полям Духов?

– Ее, должно быть, если верить слухам.

– Ты – рядом с ней. Умерь строптивый бег.
Темнеет, уж пора нам на ночлег.

8.

Ступай за мною. Ждут в моей избушке
тебя покой и ужин, а коня –
овес, который он найдет в кормушке,
а то падет до завтрашнего дня –
так отощал без корма и без стойла.
Заверил парень:

– Не впервой ему.

Та продолжала:

– Путникам достойным
найдется место у меня в доме.

9.

Считая встречу с девушкой находкой,
не стал судьбе перечить Еремей;
он принял приглашение охотно,
не мешкая, последовал за ней.

Дорожка, что змеилась по опушке,
вела их прямо к рубленой избушке,
что обещала путникам покой;
уж было до нее подать рукой,
10.

и вдруг исчезла... вместе с амазонкой!
Что за напасть, – подумал пилигрим. –
Неужто мне пригрезилась девчонка,
теперь она рассеялась, как дым?..
Уж в сумерках опушка утопала –
даже ушей не видно Буцефала...
Не стоит дальше продолжать езду.
Он спешился. Снял с лошади узду.
11.

– Пасись, – сказал он, – сивый недотепа,
бесценное сокровище мое.
Да будет ночь тебе конюшной теплой,
трава – едой, роса на ней – питьем.
Я, по застолью плотному скучая,
как прежде, заварю покрепче чаю,
на этот раз, кончая наш поход,
к сухарикам добавлю банку шпрот.
12.

Поужинал, пропитанную потом
он постелил попону под сосну,
затем, прогнав из головы заботы,
предался благодетельному сну.
Ночь пролетела как одно мгновенье
впервые без кошмарных сновидений,
ему желанный отдых сотворя.
– Вставай, хозяин. На небе заря
13.

уж полыхает. Или ты намерен
и день проспаться?..

Опешил Еремей:

еще бы, вон как славословит мерин,
не хуже чем с амвона иерей!.

– Ты что-то нынче говорлив не в меру,
столь бойко вяжешь мысли и слова?

– Мы угодили в колдовскую сферу –
во всем виновны чары волшебства, –
14.

ответил конь.

– Конечно, в чарах дело,
раз ты заржал по-русски, Буцефал.
Сомнений нет – какой-то ловкий демон
язык твой лошадиный подковал.

Живут тут духи – это очевидно.

Но мне, – добавил Еремей, – обидно,
что чары не затронули меня...

– Утешься: ты же превращен в коня, –
15.

сказала, появляясь, амазонка.

Спокойно принял парень волшебство,
увидев жеребца в зрачках девчонки
на месте отраженья своего.

Не прочь был, видно, наш герой удалый
побыть немного в роли Буцефала.

Немного – ладно. Велика беда...

– Надеюсь, не останусь навсегда
16.

я лошадью? – спросил он у Далилы.

– Конечно, нет, – ответила она. –

Едва покинешь место у Долины,
вернешь свое обличие сполна...

в том случае, коль сам того захочешь...

– Ты, девушка, мне голову морочишь...

Конечно, захочу... из жеребца

я снова превратиться в молодца.

17.

Скажи, прощаясь:

– Ни пера, ни пуха
нам с Буцефалом, – молвил Еремей...

– Не торопись. Ведь ты Долину Духов
еще не видел – цель мечты своей, –

напомнила крутая амазонка;
затем она расхохоталась звонко
и, золотыми шпорами звеня,
запрыгнула на нового коня.

18.

Испуганно взвился до небосвода,
как осами ужаленный стригун,
с аллюра на аллюр без перехода
бросался новоявленный бегун;
волчком вертелся, взбрыкивал игриво,
пытаясь сбросить наземь седока.
Но амазонка, уцепившись в гриву,
еще сильнее шпорила бока.

19.

Летел орлом с отрога до отрога
преображенный в лошадь Еремей;
как в старой сказке у единорога,
струилось пламя из его ноздрей.
– Меня моя кобыла не дарила
такой ездой, – промолвила Далила,
склонившись к уху. – Парень, ты не конь,
а настоящий верховой огонь!

20.

– Но почему же лошади, однако,
тебе Долина образ не дала?
осведомился Еремей?

– Собакой –

не человеком – раньше я была.
Попавши к людям несмышленной крошкой,
пила и ела я с ангорской кошкой.
Сперва во мне не чаяли души
и взрослые, и дети-малыши.

21.

Меня ласкали, называли "душкой";
я не платила тем же никому,
догадываясь, что была игрушкой
я в том добропорядочном дому.
Я в волкодава выросла из крошки –
опасной стала для детей и кошки.
В конце концов я, словно дикий зверь,
была однажды изгнана за дверь.

22.

Вот тут-то я сполнахватила лиха.
Пустой желудок гнул меня в дугу;
я каждый вечер умирала тихо,
калачиком свернувшись на снегу.
Облава – бич для брошенной собаки;
раз, проверяя мусорные баки,
чтоб с голоду вконец не околеть,
чуть не попала в роковую сеть...

23.

Я бросилась, – добавила Далила, –
прочь от жилья... Блуждая и стенья,
наткнулась на Волшебную Долину,
что человеком сделала меня...
Да вот она. Глаза откройте шире:
другого места нет такого в мире!
– Подобных кущей и Адам не знал! –
воскликнул восхищенный Буцефал.

24.

Волшебную Долину заприметив,
они беседы оборвали нить;
в сравненьи познается все на свете,
но не с чем было чудо им сравнить.
Кто выразит Долину всем долинам,
преодолев языковой порог?
Она лежала закругленным клином
и простиралась с юга на восток.

25.

Овеянные солнечною лаской,
на ней деревья дивные росли;
насыщенные радужной окраской,
плоды их опускались до земли.
Сновали, как в аквариуме рыбки,
похожие на детские улыбки,
существ каких-то стайки меж ветвей,
глаз радуя нарядностью своей.

26.

Березе среднерусской не мешая,
вершиной подпирая небосвод,
лепидодендрон мощный возвышался
как некий грозо- и громоотвод.

В периметре, сцепив густые кроны,
подобные друг другу, точно клоны,
дубы стояли, будто сторожа,
Волшебную Долину сторожа.

27.

Еще в той сказке сказок обитали
животные, что вымерли давно.
В зоологи наш молодой ботаник
намерен был податься заодно.
Тигр саблезубый до сих пор упорно
цеплялся за чужие времена;
на мелководье юный эпиорнис,
купаясь, тину поднимал со дна.

28.

Быть может, тут повинна Панспермия –
посланица неведомого мира, –
подумал парень, – споры занесла,
чужая флора пышно расцвела?
Попробовал он взвесить беспристрастно
причины превращенья своего.
Но было совершенно неподвластно
анализам научным волшебство.

29.

– Вчера ты как сквозь землю провалилась
с избушкой и кобылой заодно... –
напомнил мерин. – Или так, Далила,
встречать гостей тобой заведено?
– Хранителей я известить забыла
о вашем появлении у нас;
я запалила бедную кобылу,
спеша скорее доложить о вас...

30.

Из-за того же не была готова
и вас принять, радушие ценя...
За то, что не сдержала свое слово,
прошу покорно извинить меня.
Но приглашенье остается в силе:
Сегодня, Еремей и мерин сивый,
зажжет лишь небо первую звезду,
вас в конуре... в избушке то есть... жду. –

31.

поправилась Далила. – Это диво,
которое вы видите сейчас,
как око, охраняется ретиво
от рук недобрых, завидущих глаз.
О людях добрых и недобрых судят
Хранители Чудес по книге судеб.
Готова я Хранителям помочь –
людей недобрых направляю прочь.

32.

Хранители не слепы и не глухи
к тому, что есть хорошего у нас;
как все сберегающие духи
невидимы для посторонних глаз.
Жаль их немного, – молвила Далила, –
и сберегли всего одну Долину:
Так вся природа некогда цвела,
пока ее щадили силы зла.

27.01.2005

Оглавление

Слово о красе русской.....	4
Волшебная долина	16

Тираж 50 экз.